

У этого Цзи Цзэ было три сына, и младший из них, с которым Бай Цзыцин однажды пересекался, был тем самым избалованным молодым человеком Цзи Гу, который упал с лошади и был другом Бай Юня.

Хотя ни один из трех сыновей Цзи Цзэ не добился особых успехов, чтобы принести славу своей семье, сам господин Цзи был выдающейся личностью. Он умел ловко лавировать между министерствами, никого не обижая, не примыкая ни к кому и не позволяя никому примыкать к себе. Ежегодно он предлагал новые идеи по поводу правил государственных экзаменов, и в этом он действительно был талантлив.

Бай Шу сказал ему, что самое страшное — это не участие в чем-то, а строгие наказания и ответственность за чужие ошибки. Проблемы подчиненных могли легко затронуть начальников, а проблемы коллег не всегда доказывали, что вы не имеете к ним отношения. Вероятно, Цинь Шэн, занимавший должность в Управлении церемоний, тоже мог быть невиновен.

Проснувшись, Бай Цзыцин понял, что его поступление во дворец было predetermined фактом. Обещание, данное старшим поколением, он не мог легко нарушить и действительно хотел узнать, в чем заключалась правда.

Когда Ин Цань вернулся из кабинета и вошел в Чертог Ганьлу, он увидел, как Бай Цзыцин с чем-то в руках выбежал из боковой комнаты.

— Вот, возьми.

Ин Цань, глядя на оживленного Бай Цзыцина, сдержал улыбку, сначала взял то, что тот протянул, и только потом спросил, что это.

— Это несколько предложений по реформам, которые я придумал, исходя из текущей ситуации и того, как быстро ты нашел для меня эти бумаги. Есть также несколько идей из работ Чжан Сюня и других, которые мне показались разумными. Можешь посмотреть.

Бай Цзыцин с любопытством спросил:

— Ты ведь не читаешь работы со столичного экзамена, правда?

— Если бы у меня было на это время, зачем мне столько министров?

Бай Цзыцин фыркнул. Вместе с Ин Цанем он вошел в покои и, убедившись, что вокруг никого нет, понизил голос:

— Разве это не урок? Хорошо, что Чжан Сюнь умный, а они все не из трусливых...

— «Хорошо»? — Ин Цань, глядя на несколько самоуверенное выражение лица Бай Цзыцина, наконец засмеялся. — Цзыцин, все не так просто.

С этими словами он остановился и сел на мягкий диван в главной части комнаты.

— Что ты имеешь в виду? — Бай Цзыцин с недоумением посмотрел на него, а затем, видя его загадочный вид, спросил:

— Ну, что именно?

Ин Цань лишь покачал головой и сказал:

— Я голоден.

Бай Цзыцин подумал, что в мире, наверное, нет никого, кто мог бы раздражать больше, чем Ин Цань. Он бросил на него взгляд:

— Разве Фан Цзин не принес тебе еды?

— Но я сегодня слышал, что в Чертоге Ганьлу есть блюда, которых нет в императорской кухне?

— ...Сколько у тебя людей возле меня? Когда я наконец смогу уехать?

Ин Цань, опершись на нефритовую подставку, рассматривал аккуратно составленные Бай Цзыцином пункты. Почерк Бай Цзыцина был таким же, как и он сам: тонким, но с крепким костяком, с неровными краями и сухими штрихами. Даже в случайных записях можно было найти много интересного.

Ин Цань не смотрел на него. Он размышлял о том, когда Бай Цзыцин останавливался, чтобы подумать, а когда восхищался чужими идеями. Не поднимая головы, он сказал:

— Когда придет время, все будет устроено.

Он уже многое просмотрел за день, но этого было недостаточно, поэтому он свернул несколько тонких листов бумаги Бай Цзыцина и спрятал их в рукаве. Приказ императора Сяо Цзю не мог не выполнить. Ночь была глубока, и Бай Цзыцин, подперев подбородок рукой, немного подождал Ин Цаня, но в конце концов не выдержал и захотел спать.

— Разве Фан Цзин не принес тебе супа? — зевнул Бай Цзыцин. — Как ты снова проголодался?

— Наверное, устал.

Ин Цань, так открыто и легко сказавший слово «устал», был крайне необычен. Бай Цзыцин спокойно посмотрел на него и даже немного поверил. Он похлопал себя по лицу, чтобы взбодриться. В комнате не было слуг, и он встал со стула, подошел к двери и первым делом увидел евнуха Циня.

— Господин Бай.

— Евнух, где Сяо Цзю? — Бай Цзыцин хотел, чтобы Сяо Цзю тоже принес ему тарелку пельменей.

— Господин, не беспокойтесь, я отправлю кого-нибудь сделать это.

Евнух Цинь кивнул, и за его спиной маленький евнух понял намек и отправился на кухню искать Сяо Цзю.

Ночной ветер за окном был прохладным, и Бай Цзыцин, лишь выглянув наружу, почувствовал, как большая часть его сонливости улетучилась.

В главной комнате Чертога Ганьлу стоял маленький круглый стол, на котором были блюда, к которым прикасался Ин Цань. Бай Цзыцин с беззаботным видом сел напротив Ин Цаня, как будто временно забыв о разногласиях. Пельмени еще не принесли, и Бай Цзыцин, вспомнив о супе, пробормотал:

— Тогда не стоит все делать сразу. Это ведь не срочно.

Ин Цань засмеялся:

— Цзыцин, это забота?

— Нет, ты слишком много думаешь.

Бай Цзыцин опустил голову, касаясь пальцами стенки чашки на столе, чтобы проверить, не остыла ли еда.

— Просто впервые слышу от тебя такое, и это немного удивительно.

В его памяти Ин Цань никогда не говорил такого перед ним. Хотя он был всего на пять лет старше Бай Цзыцина, возможно, из-за своего королевского происхождения, он всегда казался более зрелым. В отличие от Бай Цзыцина, который был худым и слабым, Ин Цань редко болел, и хотя он сам этого не видел, он слышал, что Ин Цань немного занимался боевыми искусствами.

Но «остановить войну — это искусство». В прошлой жизни Ин Цань был добр к нему, но никогда не показывал усталости. Бай Цзыцин всегда считал, что только Фан Цзин, постоянно находившийся рядом с Ин Цанем, мог видеть его настоящего. Поэтому в те беспорядочные и незрелые дни Бай Цзыцин относился к Фан Цзину крайне неоднозначно.

С одной стороны, он уговаривал себя быть беспристрастным, не быть как те, кто ценил только происхождение, как госпожа Юань Синьи; с другой стороны, он завидовал, завидовал красоте Фан Цзина, его отсутствию связей, из-за чего Ин Цань мог быть уверен, что все его действия были бескорыстны.

Но кто во дворце мог быть настолько простым? Все это было иллюзией.

Когда тарелка с пельменями была подана, Ин Цань уже положил палочки. Бай Цзыцин некоторое время смотрел на тарелку, которая была больше его лица, прежде чем сдаться и начать есть. Он ел пельмени один за другим, понимая, что не сможет доесть все, и спросил Ин Цаня:

— Ты еще голоден? Хочешь немного?

— Я сыт. — Ин Цань, подперев подбородком руку, с интересом смотрел на Бай Цзыцина. — Не буду с тобой соперничать, аппетит Цзыцина действительно впечатляет.

— ...Спасибо за комплимент.

Это была насмешка, и в подтексте чувствовалось желание его разозлить. Бай Цзыцин равнодушно взглянул на него:

— Кстати, я забыл упомянуть о расточительстве. Ты знаешь, что расходы на еду в заднем дворе обычно превышают норму?

— Цзыцин беспокоится о казне? Обо мне или... ревнует?

— Ревную? К чему?

Ин Цань с уверенным видом сказал:

— К тому супу.

Конечно, это был Фан Цзин.

— Что? Разве ты его не выпил? — Бай Цзыцин немного раздраженно ответил. — Ты думаешь, что я специально следил за каждым шагом Фан Цзина, чтобы найти возможность подловить его на пути и посмеяться над ним? Из-за супа?!

— Цзыцин так волнуется, может быть...

— Никаких «может быть», я уже сказал, что это не так! — Бай Цзыцин махнул рукой. — Император, пожалуйста, не шути так, я труслив, не могу этого вынести.

— Почему ты снова называешь меня «императором»?

Бай Цзыцин не хотел спорить на эту тему, потому что сам не мог понять, когда в прошлой жизни он начал называть его «Ин Цань», а когда снова стал называть «императором». Если бы он разобрался в этом, то, возможно, понял бы свои чувства к Ин Цаню в прошлой жизни. Была ли это ненависть, обида, неразделенная любовь или что-то еще, связанное с тем вечером, когда он родился, что-то смутное, начавшееся с физического влечения, но не поддающееся описанию.

Наверное... наверное...

Что же это было? Бай Цзыцин не мог понять.

Теперь их роли поменялись, и Ин Цань сидел рядом, ожидая, пока он поест. Как и ожидалось, он снова достал из рукава то, что написал Бай Цзыцин, и начал перечитывать, с улыбкой на губах.

Бай Цзыцин не понимал, что могло быть смешного в нескольких предложениях и рекомендациях?

<http://bllate.org/book/16479/1496846>